

Дарья Зарубина

Весенний трамвай

*Часть сборника
Дети Хедина (антология)*

Дарья Зарубина

Весенний трамвай

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23113921
Дети Хедина: сборник рассказов: Эксмо; Москва; 2013*

Аннотация

«Март уже перевалил за середину, а весна все не наступала. Уже бежала в разломах асфальта талая вода, и солнце сверкало в ней пронзительно и ярко. Но весны не было. Весны, голосащей, как счастливая канарейка, шумной, докучливой, вечно молодой весны. Март молчал, словно заживо погребенный, изредка отчаянно вскрикивая автомобильными сиренами и граем прилетевших грачей. Март молчал, и Мика никак не понимал, почему...»

Дарья Зарубина

Весенний трамвай

Март уже перевалил за середину, а весна все не наступала. Уже бежала в разломах асфальта талая вода, и солнце сверкало в ней пронзительно и ярко. Но весны не было. Весны, голосящей, как счастливая канарейка, шумной, докучливой, вечно молодой весны. Март молчал, словно заживо погребенный, изредка отчаянно вскрикивая автомобильными сиренами и граем прилетевших грачей. Март молчал, и Мика никак не понимал, почему.

Ему вдруг подумалось, что это от возраста. Что, в конце концов, ему совсем недавно стукнуло сорок. И, вполне возможно, он наконец-то перестал быть Микой и повзрослел, и теперь весна навсегда замолчала для него, как и для тысяч других спешащих взрослых.

Михаил подошел к остановке и по привычке бросил взгляд на рельсы и провода и приготовился ждать, недоуменно разгоняя ботинком комья тающего снега, мокрой ватой громоздящиеся в лужах. Мимо прошел крупный, одетый в ватную куртку дворник, но, оглянувшись, сделал пару шагов назад и постучал Мику по плечу.

– Ты че, мужик, иногородний? – спросил он участливо. – Давно у нас не был?

Мика поднял голову, с трудом выныривая из собственных

мыслей.

– Ты тут зря стоишь, – продолжал дворник, – трамвая не будет.

– Долго? – спросил Мика.

– Никогда, – резюмировал дворник и ухмыльнулся: – Сняли трамваи. Завтра рельсы убирать начнут. Ты что, телевизор не смотришь? Объявляли же...

Телевизор Мика действительно не смотрел, потому что телевизора у него не было. Скучно было тратить время на перелистывание программ. А свежие новости с неизменным удовольствием рассказывала бабушка. И, надо сказать, в ее выпусках новостей был один очень значимый плюс – бабушка всегда пересказывала только хорошие новости. Возможно, поэтому Мика был единственным человеком в этом городе, который не знал о беде.

Трамваев больше не будет. Новость обрушилась на него как лавина. И сразу стало понятным погребальное молчание марта и мучительное опоздание весны. Трамваев не будет. Не будет гудения влажных рельсов, хрустального звона проводов, веселого гроыхания колес, не будет монотонного пения вагонов, и дрожания, и пульса.

Мика отошел от остановки и побрел в сторону вокзала, чтобы поймать автобус. Маленький душный загазованный автобус, медленный и неопрятный, как арба, колышущийся из сторону в сторону на каждом повороте и неприлично стонущий от привычной жестокости водителя. Разве мог этот

дурно пахнувший, едва ворочающий шинами мул сравниться с породистой грацией трамвая, с металлическим цоканьем гарцующего по городу, на длинных промежутках пути пускающегося в звонкий упоительный галоп.

Мика любил трамваи с детства. Того самого раннего солнечного детства, когда любовь не требует доказательства и ответа. Из-за этой любви он поступил на исторический факультет и даже написал диссертацию, посвященную роли трамвая в истории города. Пожалуй, это могло бы показаться странным. Как человек, помешанный на скрипке, который поступает не в музыкальное училище, а идет в искусствоведы, потому что не хочет играть на скрипке, он просто хочет знать о ней все. Мика никогда не думал становиться водителем трамвая, он хотел писать о трамваях. Собирал материал, проводил дни в депо. Однако диссертацию так и не защитил. Как-то не пришлось. Как не пришлось жениться, завести детей, обзавестись какой-нибудь более-менее стоящей профессией. Но любовь к трамваям осталась. Любовь к трамваям, которых больше не будет.

Михаил выскочил из автобуса с неприличной для взрослого, уже немного раздавшегося в талии мужчины резвостью и быстро пошел в сторону кованых ворот дома престарелых. Из невысокого, посеревшего от времени здания, как осенние сморщенные горошины из лопнувшего стручка, высыпали старики. Они разбредались по своей щедро отмеченной неустанной работой времени территории. Рассаживались на

скамейках, рассыпали по столам черное в белых оспинах домино, разматывали бесконечные носки и шарфы, нещадно нанизанные на спицы. Бабушка уже ждала, прохаживаясь вдоль ограды и слегка приволакивая правую больную ногу. По морщинкам в основании круглого курносого носа и заложенным за спину рукам Михаил догадался, что бабушка была встревожена его опозданием.

– Мика, ты задержался, мой дорогой, – пробормотала она, опираясь на его руку и поглаживая внука по предплечью.

– Сначала пошел на трамвай, – оправдываясь, произнес Мика, но бабушка не позволила ему закончить, настойчиво потащив в сторону заросшей беседки. Летом беседка утопала в зелени, но сейчас, в середине марта, это был лишь мертвый белый остов, опутанными коричневыми змеями прошлогоднего выюна.

– Мне необходимо, чтобы ты встретился с одним человеком, Мика, – наставительно произнесла бабушка, пресекая любые возражения. – Возможно, он покажется тебе немного настойчивым, даже странным. Но я прошу тебя, ради меня, выслушай все, что он скажет. Ты ведь обещаешь мне? Обещаешь?

Мика пожал плечами в знак молчаливой капитуляции, и бабушка улыбкой поблагодарила его. По всей видимости, она явно не ожидала такого быстрого согласия. Мика всегда любил стариков, и бабушка без зазрения совести пользовалась этой любовью, отдавая внука на съедение своим мно-

гочисленным приятелям и приятельницам, которым в момент душевного кризиса был необходим внимательный и, желательно, молодой слушатель. Слушатель, способный искренне удивляться, выслушивая километры давних историй, поросших мхом уточнений, дополнений и легкого художественного вымысла. Свои из дома престарелых на эту роль никак не подходили, поскольку уже без малого лет тридцать как совершенно потеряли способность к удивлению. К тому же все истории были уже по нескольку раз рассказаны и перерассказаны, отчего возможность снабжать их новыми душераздирающим подробностями практически сводилась к нулю. Мика удивлялся живо и охотно, за что был искренне любим бабушкиными друзьями и подругами. А поскольку и ему самому общение со стариками приносило массу приятных впечатлений, он мог без всякого сожаления потратить несколько минут на то, чтобы посидеть в беседке с новым другом бабушки, пусть даже странным и настойчивым.

Однако Мика никак не ожидал, что старичок в свои немалые годы окажется настолько настойчив. Он налетел, как вокзальная гадалка, не позволив Михаилу даже самостоятельно представиться.

– Михаил Витальевич?! – Старичок схватил правую руку Мики и решительно тряхнул. – Ваша бабушка много рассказывала о вас. И чаще всего хорошее, поэтому позволю себе отрекомендоваться без лишних церемоний. Моя фамилия Лазарев. Василий Игнатьич Лазарев.

– Тот самый Лазарев? – переспросил Мика, оглядывая старичка с выцветшей льняной кепки до стоптанных коричневых штиблет.

– Тот самый, – торжественно ответил Василий Игнатьевич. – Хотя, мой дорогой друг, нас с вами разделяет такая разница возрастов, что я не вполне могу быть уверен, что мы имеем в виду одно и то же.

– Вы тот самый В. И. Лазарев, которого благодарит в своих книгах профессор Грабисов? Я думал, вас уже давно нет в живых! – Услышав тактичное покашливание бабушки, Мика осекся, но старичок нисколько не обиделся, а только с сожалением пожал плечами:

– Пожалуй, в чем-то вы совершенно правы, мой юный друг. Тот Лазарев. Молодой, тридцатипятилетний, безумно влюбленный в трамваи, который, отработав смену, гонял пыль по архивам вместе с Иваном Грабисовым, уже давно мертв. Да, когда-то я был лучшим водителем трамвая в этом городе. Когда-то, когда трамваи еще были нужны людям, я тоже был нужен. Теперь уже нет...

– Но ведь ты ни о чем не жалеешь? – спросила бабушка с надеждой, но Лазарев покачал головой и ответил:

– Жалею, Люсенька. О многом жалею... – Он потер ладонью коричневую шею над воротом соколки и снова посмотрел в глаза Мике. – Однако я попросил вашу бабушку организовать встречу с вами не затем, чтобы обсуждать мои сожаления, а для того, чтобы не умножить их в будущем. Вы

ведь, Михаил Витальевич, уже знаете, что с сегодняшнего дня трамваев не будет?

– Знаю, – с тяжестью на сердце отозвался Мика.

– И вы наверняка знаете, что это такое? – Старик протянул Мике с сильным нажимом выведенный на желтоватом от времени тетрадном листке сложный, похожий на иероглиф знак.

Мика мгновенно узнал его, как узнал бы, будь даже разбужен глубокой ночью или в полной темноте наткнувшись на него в путанице линий древнего барельефа.

– Схема трамвайных путей, – ответил он без колебаний.

– Старая схема путей, – наставительно поправил Лазарев. – Как вы видите, здесь отсутствуют ветки шестого и восьмого маршрутов, которые появились значительно позже, уже в восемьдесят первом и восемьдесят четвертом.

– Восемьдесят пятом, – в свою очередь поправил Мика.

Лазарев досадливо покачал головой:

– Возможно. Вполне возможно, – пробормотал он, извиняясь. – Мне, мой юный друг, уже восемьдесят восемь. В таком возрасте цифры иногда берут верх над памятью. А знаете ли вы, что это такое?

И Лазарев вытащил из нагрудного кармана другой листок, чуть меньше, густо изрисованный арабскими буквами. На первый взгляд листок напоминал кривовато отксерокопированную страницу из учебника по русскому языку для иностранных студентов, но, присмотревшись, Мика понял, что

русские слова были вписаны черной шариковой ручкой, но настолько ровно и мелко, что издали ничем внешне не выделялись из остального текста. Но самое главное, в центре листа, окруженный крючками и точками совершенно незнакомого Мике языка, был довольно точно изображен тот же причудливый знак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.